Деньги

Гуляя по Вильнюсу, Марсель Парижович и Изольда Фортепьяновна размышляли о теме, сугубо насущной для человечества, говорили они о деньгах!

– А вот ещё, вот ещё вам история, Марсель Парижович, удивительная, надо заметить… Дело было в Будапеште, местный сапожник, скупердяй высшей пробы, держал семью и маменьку на таких ограничениях по пище, что те чуть не заработали для тел своих глубокую дистрофию… Всё скапливал, скапливал с починки сандалий и по комодам да сервантам совал, совал… Новых тканей для дочери дом годами не видел, а про жену и вообще говорить нечего, ах, бедняжка, говорят даже, что к зиме лопух для уборной высушивала!

– Да что ты такое говоришь-то, неужто? – Марсель Парижович остановился и вытер пот со лба.

– Говорят, говорят, Марсель Парижович! Ну, вот, значит, прибыла как-то к нему с Румынских земель сестра, кровная по отцу, особо суровая, узкая в росте как фехтовальная шпага, говорит прямо, колко, рублено, с железом в голосе, и завела она следующую, значит, речь.

– Матьяс, ты вот у отца не был давно, а тем временем папенька слёг сильно, болезнь в него страшная залезла. Но доктора говорят, что микстуры от неё имеются, деньги только нужны. А я знаю, что есть у тебя форинты, дай мне их, отца на ноги ставить надо…

Разговор тот состоялся на летней веранде, и, как сестра речь свою закончила, такая пауза пришла, что слышно было как капли, через прохудившуюся крышу, капают в таз. Матьяс

(с венгерского имя обозначает подарок Бога, но для него не имеет значения) заявил решительное – нет, нет, мол, денег, и всё тут. Но сестра настаивала, шипела. Тогда сапожник сказал, что должен подумать, и тут же удалился куда-то…

Вечером в дом так и не пришёл, ночь тоже без него прошла, а утром и сапожную не открыл, таким образом, и второй, и третий день прошёл… Забили тревогу. Кинулись в жандармерию.

Выяснилось следующее: видели его крайний раз через окна трактира у Вацлава, а это города окраина, дальше только лес. Ну все в лес и ринулись… Нашли к обедне. На дубу висел… До чего же марочный жадина был, только вдумайтесь, Марсель Парижович, верёвку, в-е-р-ё-в-к-у из старых шнурков связал…

– Ах каков, а! – усмехнулся Марсель Парижович.

– Да... – протяжно вздохнула Изольда Фортепьяновна и помахала веером в державшего её за локоть партнёра по прогулке.

– Сдаётся мне, башмачник сделал выбор, между: повеситься и дать денежки сестре на лечение папеньки. Ну что ж, так вот, сударыня, думаю, что поминки были шикарные, всех мангалицев в округе скупили, и зажарили, и закоптили, и сварили в чесночном кипятке. Ну а мы с вами какой выбор сделаем? Нежное облачное безе у Эгле или сочный шницель у Степонаса?

– Мясо хочу, идёмте же к Степонасу…

Парочка неспешно удалялась по узкой ниточке дворовых улиц литовской столицы. Изольда Фортепьяновна спрятала веер в сумочку, достала изящный летний гипюровый зонт и, непринуждённо покручивая им, продолжила.

– А вот ещё, вот ещё про одну любительницу денежек. О, святой Августин, эта история вас развеселит ещё больше!..

Дирижёр

Разнообразие листа мне осень парком подарила...
Кладу их в книгу меж страниц, где типографские чернила
кантату Шуберта хранят и зарисовки Фьерабраса...
– Здесь Вена, музыки сестра!
Её кофЭйные террасы!
Шпалеры, флигеля в наём!
Тут каждым камнем дышит Моцарт!
Тут Климт творил Австрийским днём...
Фин де сикле модерн, иду в зелёный «Трипадвисор»,
там подниму твой пино гри,
зажав в кулак мальтийский крест...
– Объединим тостом Европу! – за каждым столиком услышишь....
Вот я услышал...
– Ну что ж, объединим!!!
Мне снился прежде сам Грабен!
Мой гвоздь при мне, я тут!
На Кертнерштрассе![1]
Вобью, а после на вокзал...
Ворвусь в рессорный шум,
проникнусь в запах стали,
прощай, столица art,
вот мой поклон и вечный, вечный,
вечный Guten Abend , польщён...

---

[1] Улица Кертнерштрассе расположена в самом сердце Вены. А на пересечении с улицей Graben находится бревно XV века, утыканное гвоздями. Считается, что каждый кузнец, покидавший Вену, должен был вбить в это бревно гвоздь на счастье.